

Увидев эту картину, Кунчжи и Кунъю оттолкнули Юй Уцюэ и бросились внутрь, а следом за ними, неся аптечку, семенила неизвестно где ждавшая лекарственная марионетка.

В отличие от ошеломленного Юй Уцюэ, они не выказали растерянности — их лица омрачало глубокое беспокойство. Не произнося ни слова, они принялись проверять пульс, ставить иглы и вливать лекарство; все движения были выверены и слились в одно целое. Юй Уцюэ на цыпочках проследовал за ними, остановился в сторонке и боялся даже вздохнуть полной грудью.

Хэ Бугуй лежал с бледным лицом и плотно сомкнутыми веками, его дыхание было настолько слабым, что едва угадывалось по еле заметному движению груди. Он казался хрупкой куклой, готовой рассыпаться от малейшего прикосновения. Судя по всему, перед обмороком он вырезал пазы и шипы, но вдруг потерял сознание и рухнул на пол, случайно порезав руку. Кровь уже запеклась, а та, что попала на землю, успела высохнуть — это означало, что он пролежал здесь долго, и никто этого не заметил.

Упрямы чертовы.

Юй Уцюэ мысленно выругался. Знали же, что Хэ Бугуй болен, и всё равно позволяли ему до глубокой ночи при свечах вырезать по дереву! И ладно бы просто напомнили лечь пораньше — они даже в покои войти не смели. Вот к чему приводит излишняя послушность преданных хозяину марионеток: человека толком не уберегли.

Марионетки попытались поднять Хэ Бугуй и перенести на кровать, но суетились туда-сюда с такой чрезмерной осторожностью, едва ли не трепеща перед каждой складкой его одежды и уж тем более боясь коснуться тела хозяина. Посчитав их возню слишком медлительной и неуклюжей, Юй Уцюэ всех оттолкнул, забрал у него резец, подхватил Хэ Бугуй под колени и за спину и поднял сам.

Спасибо годам погони за курами да гушами, да и за последние полмесяца тяжелой работы он натаскался вдоволь: хоть парню всего шестнадцать, его крепкие мышцы позволили без труда поднять Хэ Бугуй.

Но до чего же этот человек исхудал.

Хэ Бугуй был высокого роста, к тому же занимался культивацией, однако нести его оказалось совсем не тяжело. Когда рука легла на узкую талию, сквозь тонкую ткань одежды отчетливо прощупывались ребра. Юй Уцюэ тут же ослабил хватку, смертельно боясь сжать слишком сильно и оставить синяки, и, подражая марионеткам, тоже стал действовать с предельным трепетом, аккуратно уложив больного на ложе.

Поправив одеяло, Юй Уцюэ отступил в сторону, позволяя лекарственной марионетке ухаживать за пациентом, а сам остался стоять неподалеку, получив возможность вблизи как следует рассмотреть самого Шансянь Тайвэя.

Его лицо покрывала печать болезни, не оставив и следа прежнего грозного величия. Вместо возвышенного бессмертного владыки Хэ Бугуй сейчас выглядел скорее утонченным красавцем, прикованным к постели недугом. Вокруг него не ощущалось никаких следов циркуляции духовной энергии — по крайней мере, это не было похоже на отклонение в культивации, но губы посинели, а руки и ноги леденели изнутри, что явно указывало на крайнее истощение сил.

Не виделись всего полмесяца, а он так исхудал и осунулся — как же можно было довести себя до такой болезни?

Юй Уцюэ с тревожным выражением на лице спросил:

— Я могу чем-нибудь помочь?

Кунчжи покачал головой:

— Мы сами со всем справимся, юноша может не беспокоиться.

— Чем болен Шансянь Тайвэй? С ним и раньше такое случалось?

Кунчжи на мгновение замолчал и ответил:

— Личные дела хозяина, не положено обсуждать.

Получив от ворот поворот, Юй Уцюэ пришлось отойти к столу и приняться за уборку.

Закончив ставить иглы, марионетки принялись передавать хозяину духовную энергию — действовали они слаженно и четко, явно имея немалый опыт в подобных чрезвычайных ситуациях.

Прошло всего околотёлочное время, как в покои внесли сваренный отвар. Тут Кунчжи вспомнил, что Юй Уцюэ по-прежнему околачивается здесь без дела и уходить не собирается, и принялся его выпроваживать:

— Юноша, разве вы еще не возвращаетесь?

— Дождусь, пока Шансянь очнется, тогда и пойду. Раз он так болен, я места себе не нахожу.

Юй Уцюэ смахнул со стола древесную стружку, принялся протирать книжную полку и, услышав вопрос, с усердным видом подбежал с ба Мэнь-ларцом:

— Я всю ночь это готовил, надо же, чтобы Шансянь хоть немного попробовал.

Кунчжи бросил взгляд на кровать:

— Боюсь, хозяин не сможет ничего проглотить. Последнее время он вовсе не ел.

— Раз уж слёг с болезнью, тем более нужно поесть, — назидательным тоном заявил Юй Уцюэ.
— Вы же все во всем ему потакаете: раз говорит, что не будет, значит, не кормите. Разве можно поправиться, не едя во время болезни?

Кунчжи моргнул.

— Это фирменные блюда моей бабушки, я почти всему у нее научился. Обещаю, как только он съедет пару ложек, я сразу уйду и надоедать не стану, идет?

— Но...

— И никаких но.

Юй Уцюэ притащил табурет, уселся у изголовья кровати и закинул ногу на ногу:

— Раз уж Шансянь признал меня разнорабочим, мой долг — дежурить у его постели. Точно так же, как и вы, я не смогу спокойно уснуть, пока он не придет в себя.

Кунчжи уставился на сладости и куриный суп в лукошке и в конце концов молча позволил Юй Уцюэ остаться.

.....

Прошел час, и Хэ Бугуй очнулся.

В спальне всегда царила тишина, и малейший шорох неизменно привлекал его внимание. Тем более сегодня — звуки напоминали знакомое срезание стружки. Бросив взгляд на источник шума, он увидел фигуру в белом, сидевшую со скрещенными ногами перед низким столиком и склонившуюся над чем-то с усердной резьбой.

Ну конечно, это был Юй Уцюэ.

Самовольно ворвался в покои, совсем от рук отбился.

Хэ Бугуй с трудом приподнялся на локте, приоткрыл рот, собираясь отчитать наглеца, как вдруг в горле у него сжалось, и он зашелся в страшном, потрясающем комнату кашле.

Юй Уцюэ резко поднял голову:

— Шансянь очнулся?

Он бросил работу, тут же схватил чашку с остуженной кипяченой водой и в несколько прыжков подбежал к кровати, присев на корточки:

— Смочите горло, вода как раз нужной температуры.

Хэ Бугуй оттолкнул чашку и, уставившись на него воспаленными глазами, потребовал:

— Кто разрешил тебе войти?

<http://bllate.org/book/21954/2281020>